

**Когнитивные исследования**

**КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ И РАСШИРЕНИЕ СФЕРЫ  
ДРУГОГО: КОГНИТИВНЫЙ РЕЗОНАНС**

*В.А. СУЛИМОВ*

Когнитивные тенденции, определяющие, как кажется, современный этап культурно-антропологического развития человека, все в большей степени вызывают беспокойство профессиональных наблюдателей. Специалистов в области языка и культуры не могут оставить равнодушными смысловое обеднение и даже структурно-семантическое разрушение речи, включая научную, деловую и, конечно, повседневную сферы общения, падение идеи литературного языка как несомненной ценности, образца, эстетической границы дискурса, наконец, усечение ценностной вертикали за счет снижения «планки» духовных ценностей в угоду усилению прагматических и социально-биологических (хаптических) доминант. Отчасти (особенно в массовом текстовом «продукте») «сниженная» когнитивная ситуация проявляется и в современном литературном тексте, и в кинотексте, и в различных художественных проектах.

Среди множества вариантов объяснения и систематизации причин сложившегося когнитивно-семиотического хаоса обращают на себя внимание причины собственно когнитивные, в основе которых лежат факторы *усложнения механизмов* речевой коммуникации, текстопорождения, информационного обмена, лингвoseмиотического «кодирования» и «раскодирования», просто элементарного понимания сказанного и написанного. Это усложнение настолько велико, что языковая интеллектуальная игра, вариативность дискурсивных практик и интерпретационных попыток уже не обеспечивают обязательного понимания сказанного или написанного. Происходит то, что описывается понятием *Разрыв* (или, по-другому, пространством *Между*), порождающим парадоксальный мир бесконечных фрагментов, обрывков идей, фразовых объединений, когнитивных трансформаций, лингвокультурологических ассоциаций и текстовых сгущений (даже таких крупных, как отмечаемые М.Н. Эпштейном, «текстовые империи»). В основу когнитивной энтропии, порождаемой *Разрывом*, Ю.М. Лотман справедливо полагал трансформацию информационного канала интракоммуникации «Я – Я», разрывающегося под напором сегментированной и разновекторной массы сообщений (текстов): «...текст в канале “Я – Я” имеет тенденцию обрастать индивидуальными значениями и получает функцию организатора беспорядочных ассоциаций, накапливающихся в сознании личности»<sup>1</sup>. При этом

именно в пространстве *Разрыва* происходит когнитивная перестройка личности, «которая включена в процесс автокоммуникации»<sup>2</sup>.

Расширяя и проецируя на современность коммуникативные идеи Леви Строса, Славой Жижек пытается определить эту новую гипертекстовую реальность: «...все существующее — это не просто игра видимостей, есть некое Реальное — однако это Реальное не Вещь, которой нельзя достичь, а *Разрыв*, который лежит на нашем пути к ней, “скала” антагонизма, которая искажает наше видение воспринимаемого объекта, создавая частную, пристрастную перспективу»<sup>3</sup>. Лингвофилософский смысл разрывности совершенно ясен: мы понимаем высказывание (информационное сообщение) не вообще, не в генерализованном ключе его языковой расшифровки, а в некоторой семиотической частности, в симметризированной *ситуации восприятия*, включающей в себя и контекст, и когнитивные характеристики субъектов общения, и то Нечто, что являет себя как Я-в-культуре, как Я, мотивированное культурой, как Я интенциональное, направленное на обязательное восприятие именно этого сообщения. Причем оно, это сообщение, должно быть услышано адресатом из собственного сознания как догадка, инсайт, предвосхищение опосредованной разрывом данности.

Такая симметризированная, но по сути разорванная, разделенная, ситуация восприятия (если восприятие как симметричный акт существует вообще) демонстрирует, на наш взгляд, новое для научного понимания явление *когнитивного резонанса*, объединяющего в одном интеллектуальном усилии адресанта, адресата и наблюдателя, многократно моделирующих смысловой мир из фрагментов понятого, полученного, глубоко интериоризированного и актуально прогнозируемого в один и тот же момент времени, т.е. симультанно. Можно дать следующее определение указанному феномену.

*Когнитивный резонанс* — это симультанное программируемое построение речевого отрезка, основанное на одновременной реализации импульсов смысла адресантом, адресатом и возможным наблюдателем, их встречный коммуникативный акт и суммарное интеллектуальное усилие, имеющее эпистемологическую природу. *Когнитивный резонанс* обуславливает момент и способ включения речевого отрезка (акта, сообщения) в социально-культурный и (возможно, потенциально) исторический контекст. При этом позиция *наблюдателя* может актуально сближаться как с позицией адресанта, так и с позицией адресата.

Эпистемологически обоснованное понимание коммуникативного акта как *осмысленного сообщения*, т.е. сообщения, обязательно содержащего элементы знания и мнения, интериоризированных («упакованных» и энергетически «заряженных») в индивидуальной картине мира, не только существенно меняет репертуар лингвистически и

методически рассматриваемых языковых форм и значений, но и заставляет нас возвращаться вновь к самой идее коммуникативного акта, к его моделям и описаниям. Фактически они манифестируют *характер когнитивного резонанса*, влияющий, по-видимому, на многие ментальные и социально-культурные события. Более того, эти описания и модели, как и контекст (текстовый фон) их создания, имеют самостоятельное историко-культурное значение, показывают типологию и уровень доминирующих в некоторый исторический момент когнитивных представлений и даже — внутренних ощущений.

Для отечественной культуры отправной точкой создания научных моделей речевого (коммуникативного) акта является эпоха Высокого Модерна первой четверти XX в., открывшего экзистенциальную и философскую глубину человеческого типа сознания для достаточно большого социального круга<sup>4</sup>. Возникновение проблемы личности и ее роли в общественном бытии требовало понимания роли и возможностей коммуникации. Одна из первых попыток построить модель интеллектуальной коммуникации (коммуникации, несущей информационные смыслы) принадлежит Р.О. Якобсону, осмысливавшему речевой (коммуникативный) акт как взаимодействие, в рамках которого позиции адресанта и адресата равноправны и взаимозаменяемы, а код сообщения, контекст и ситуация общения заранее известны участникам общения. Получается коммуникативная симметрия речевого (коммуникативного) акта, при которой адресант (активный участник) «кодирует» сообщение, а адресат (пассивный участник) «раскодирует» сообщение, используя для его понимания также свое «видение» контекста и ситуации<sup>5</sup>. Эта модель Р.О. Якобсона имела серьезные последствия не только для лингвистов, активно работавших в течение всего XX в. над версиями научных описаний языка на этапах порождения и/или восприятия сообщения (текста), вариантами «активной» и «пассивной» грамматик, но и для школьной психологии и дидактики, сосредоточившей усилия на разработке методик «восприятия» и «понимания» отрезков речи и целых текстов. В лингвофилософском плане речь шла о различных герменевтических практиках, «понимающих» технологиях и т.п. Внешненный код, относящийся к области собственно коммуникации, производил, по сути дела, ложное впечатление (а) доступности своей собственной интериоризации в результате учебных практик (например, перевода или запоминания); (б) возможности о-смысления любого сообщения (фразы, текста) иноязычным сознанием при помощи языкового тренинга; (в) легкости использования кода сознанием, аутентичным данному языку и культуре. Моделирование языкового сознания как такого «устройства», которое обязательно содержит интериоризованную о-смысленную национальную картину мира, да еще концептуализированную (содержащую выраженные понятийные

ряды), стало достаточно распространенным занятием. Вместе с тем герменевтическая сторона процедуры понимания, рост ее значимости в процессе освоения новых вербально-концептуальных (эпистемологических) практик, областей, целых «знаниевых» пластов во второй половине XX в. поставили вопрос о существенном расширении яacobсоновской модели речевой коммуникации (и, соответственно, модели понимания сообщения) за счет включения в нее систем presupпозиций знания (Тен ван Дейк и В. Кинч), пополняющихся и раскрывающихся не только в ходе собственно речевой коммуникации, но и в ходе внутреннего сущностного диалога. Этот внутренний диалог, сначала создающий ситуацию формирования мысли, а затем ситуацию восприятия, или — точнее — интеллектуального со-творчества, был показан в работах М.М. Бахтина, приведших во второй половине XX в. к фундаментации целого направления французского постструктурализма — герменевтической теории интертекстуальности. По сути дела, был раскрыт второй — герменевтический, смысловой — план речевой коммуникации, направленный на перевод ее проблематики из коммуникативного русла исследования в собственно когнитивное русло, из плана о-значивания в план о-смысления. Помещение высказывания не в ситуативно-обусловленную, а в текст-обусловленную ситуацию общения демонстрирует его внутреннюю зависимость от *Эпистемы культуры*, имеющей не лингвофразеологический, а логико-когнитивный характер. М.М. Бахтин пишет об этом: «Всякий говорящий сам является в большей или меньшей степени отвечающим: ведь он не первый говорящий, впервые нарушивший вечное молчание вселенной, и он предполагает не только наличие системы того языка, которым он пользуется, но и наличие каких-то предшествующих высказываний — своих и чужих, — к которым его данное высказывание вступает в те или иные отношения (опирается на них, полемизирует с ними, просто предполагает их уже известными слушателю). Каждое высказывание — это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний»<sup>6</sup>. Феномен «внутреннего диалога», развиваемый М.М. Бахтиным и его известными французскими последователями Р. Бартом и Ю. Кристевой, не может соотноситься с уровнем повседневного языкового опыта, он требует обязательной текстовой деятельности, а, значит, особых интеллектуальных практик и герменевтического «мастерства». При этом вербальные тексты культуры и тексты культуры невербальные включаются в состав сильно осложненного кода, который перестает быть *кодом сообщения* или *кодом сообщений* на данном языке, а становится *кодом культуры*, аккумулятирующим и языковые средства, и способы построения осмысленных высказываний на данном языке, и варианты их (возможных) интерпретаций. Расширение кода культуры оказывает прямое влияние на формирование перманентно обновляемой *системы концептов* как базовому речемыследелительному и коммуникативному феномену<sup>7</sup>.

С этим хорошо соотносится идея активного порождения/восприятия текста как единственного эффективного механизма о-смысленной коммуникации, высказанная в конце XX в. Б.А. Успенским, предположившим, что механизм пассивного восприятия (декодирования) текста попросту отсутствует. Обосновывая монопольное положение порождающих механизмов в сознании человека, Б.А. Успенский писал: «Процесс понимания – это активный процесс, в принципе несводимый к опознанию языковых форм: понимание текста осуществляется через его моделирование, которое принципиально отличается от декодирования текста. Это означает, что мы используем в первую очередь механизмы порождения текста и именно они служат для его восприятия»<sup>8</sup>. Понимание высказывания (текста, дискурса) как процессуального повторения порождения высказывания (текста, дискурса) с учетом обязательного моделирования аксиологической по существу системы смысловых отношений субъект – текст напоминает схему порождения высказывания Н.И. Жинкина – А.А. Леонтьева, где трансцендентальная часть кода встраивалась в когнитивную структуру субъекта, а не «прилагалась» в процессе «шифровки» – «дешифровки»<sup>9</sup>. Этот «внутренний код» личности представляется нам удачной экзистенциальной основой для организации понимания в духе активной текстопорождающей деятельности. Поэтому обращение в ходе текстовой деятельности к «внутреннему коду» личности (если, конечно, таковой сформирован предыдущими интеллектуальными и духовными попытками) оказывается все более важным условием успешной коммуникации не только в научно-профессиональной или художественно-образной, но и в повседневной сфере общения.

Возрастающее информационное «напряжение» коммуникации, ярко проявившееся в конце XX – начале XXI вв., стало требовать все более «плотного» общения не с другими коммуникантами, а с самим сильно «уплотнившимся» интеллектуальным пространством культуры. Тема-рематические отношения внутри высказывания (система, хорошо «работавшая» на коммуникативную теорию Р.О. Якобсона) стали изменяться в сторону доминирующей *рематичности*, поглощающей не только тематический ряд (как правило, несущий «культурные традиции»), но и саму логику речи, стилистические контуры различных разовых последовательностей в тексте (дискурсе), речевые (=литературные) жанры, лексико-семантические и структурно-синтаксические модели (образцы)<sup>10</sup>.

Происходит сильное (даже иногда – катастрофическое) изменение характера когнитивного резонанса, при котором смысловой обмен начинает происходить вообще в отрыве от реального собеседника, в коммуникативной ситуации, развившейся из бахтинской дихотомии внутреннего диалога Я – Иной (Другой) в дихотомию Я – Информационное пространство культуры. При этом все более деградирует

традиционная социальная общность: интеллектуальному аутизму *смыслократии* противостоит интеллектуальная (смысловая) ништа «заброшенных» в информационно-ущербное пространство масс, сбивающихся в небольшие группы-корпорации по признакам реализации непосредственных (хаптических или даже интеллектуально-хаптических) коммуникативных интересов<sup>11</sup>.

Это ощущение «заброшенности», имеющей явные коммуникативные признаки, хорошо передает в метфорически-поэтической форме Дмитрий Быков: «Я дыра, пустота, прореха, обретающая черты лишь при звуке чужого эха, по словам другой пустоты. Я дыра, пустота, ненужность, образ бренности и тщеты, но, попавши в мою окружность, вещь меняет свои черты»<sup>12</sup>. Здесь очень точно Д. Быков определяет признаки такого «дефектного» когнитивного резонанса. Во-первых, это перманентное состояние социально-культурного мимесиса, лишаящего субъекта собственных интеллектуальных попыток о-смысления проживаемой реальности («обретающая черты» «лишь при звуке чужого эха»). Во-вторых, это ощущение ничтожности и неуместности собственного мнения, голоса или, по-другому, текста. Человек в описываемых Д. Быковым когнитивных «обстоятельствах», по сути дела, отказывается воспринимать себя в виде интеллектуального (и=духовного) «порождающего начала». Наконец, в-третьих, это имманентная человеческой природе способность индивидуального, особого, неповторимого восприятия мира, способность строить свою картину мира из «данных» кирпичиков смысла даже в информационно неблагоприятной ситуации («попавши в мою окружность, вещь меняет свои черты»). Именно здесь, в неизменности «данной» однажды человеку свободы индивидуального восприятия (представления) мира, заложены, на наш взгляд, основы когнитивной и, соответственно, культурной трансформации личности в наиболее оптимистическом сценарии социально-культурной динамики.

Очевидно, что в современную эпоху возникает потребность новых интеллектуальных (в том числе – учебных) практик, построенных на культурно-лингвистической основе и способных создавать новые вербально-ассоциативные миры. Преодолевая противоречия линейных практик, нелинейные или континуальные («продолженные» в текст и гипертекст) интеллектуальные практики, существенно усилят «понимающую способность» индивидуума. К таким практикам мы относим, например выделительные (дифференцирующие), абдуктивные (целевые, «приблизительные») или инсайтные (проникающие) практики, помогающие субъекту работать с большими массивами информации. Причем все они, по нашему мнению, имеют определенные лингвистические и методические перспективы. Однако это уже тема совершенно другого разговора.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – СПб.: Азбука; Азбука – Аттикус, 2014. С. 43.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. – М.: Европа, 2009. С. 140.

<sup>4</sup> Этот круг людей, способных к моделированию сложных антропных процессов и философскому самомоделированию, в XIX в. стали влед за Фихте называть «интеллигенцией».

<sup>5</sup> Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. С. 193 – 230.

<sup>6</sup> Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. Работы 1940 – 1960 гг. – М.: Русские словари, 1996. С. 200.

<sup>7</sup> Fadeeva I.E., Sulimov V.A. *Semiosis: Subjective anthropology of symbolic reality*. Saint Petersburg, Asterion, 2013. – 252 с.

<sup>8</sup> Успенский Б.А. *Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство*. 2-е изд., испр. и доп. – М.: РГГУ, 2012. С. 125.

<sup>9</sup> Леонтьев А.А. *Язык, речь, речевая деятельность*. – М., 1969. С. 75.

<sup>10</sup> Это хорошо видно на примере текстов-ремейков, которые, несмотря на свою «вторичность», требуют обязательной и явной смысловой новизны. При отсутствии таковых они просто распадаются как тексты.

<sup>11</sup> Особенно это очевидно из наблюдений над структурой и целями коммуникативной деятельности учащихся всех уровней образования.

<sup>12</sup> Цит. по: [www.mccme.ru/01.03.2013](http://www.mccme.ru/01.03.2013)

## REFERENCES

Bakhtin M.M. The problem of speech genres. *Bakhtin M.M. Collected Works*. Vol. 5. Moscow, 1996 (in Russian).

Fadeeva I.E., Sulimov V.A. *Semiosis: Subjective anthropology of symbolic reality*. Saint Petersburg, Asterion, 2013 (in Russian). 252 p.

Jakobson R. Linguistics and Poetics. Structuralism, “for” and “against”. Moscow, Progress, 1975 (in Russian).

Leontiev A.A. *Language, speech, speech activity*. Moscow, 1969 (in Russian).

Lotman Yu. *Inside thinking worlds*. Saint Petersburg, Azbuka [Alphabet], Azbuka – Attikus, 2014 (in Russian).

Uspensky B.A. *Ego Loquens: Language and communication space*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2012 (in Russian).

Žižek S. *Doll and dwarf. Christianity between heresy and rebellion*. Moscow, Evropa, 2009 (trans. in Russian).

## Аннотация

Модель коммуникативного акта показывает характер сопутствующих когнитивных обстоятельств. В статье обосновывается понятие когнитивного резонанса. Коммуникативный акт постепенно трансформируется в одну из систем самоидентификации. Автор обсуждает также систему интеллектуальных практик, способствующих преодолению современных коммуникативных трудностей.

**Ключевые слова:** речевое взаимодействие, когнитивный резонанс, интеллектуальные практики, коммуникации, субъект.

## Summary

The model of the communication act shows the nature of related cognitive circumstances.

The article explains the concept of cognitive resonance. The communicative act is gradually transformed into one of the systems of self-identification. The author also discusses the intellectual practices contributing to overcome the difficulties of modern communication.

**Keywords:** verbal interaction, cognitive response, intellectual practices